

Г. В. Вернадский

МОНГОЛЬСКОЕ ИГО В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Евразийский временник. Кн. 5. - Париж, 1927, с. 153 - 164

I

Сто лет тому назад, в 1826 г., русская Академия Наук предложила такую задачу на разрешение современных ученых: "Какие последствия произвело господство монголов в России, и именно, какое имело оно влияние на политические связи государства, на образ правления и на внутреннее управление оно, равно как на просвещение и образование народа". Сроком для представления ответа было назначено 1-е января 1829 г. К назначенному сроку поступило лишь одно сочинение на немецком языке, которое не было признано достойным награды.

Через несколько лет после неудачной попытки Академия вновь предложила задачу в той же области, но определила ее гораздо более узко. В новой постановке (1832 г.) задача была выражена следующим образом: "Написать историю Улуса Джучи или так называемой Золотой Орды, критически обработанную на основании как восточных, особенно магометанских историков и сохранившихся от ханов сей династии монетных памятников, так и древних Русских, Польских, Венгерских и проч. летописей и других, встречающихся в сочинениях современных европейцев, сведений".

Срок для решения этой новой задачи поставлен был также трехлетний (1 августа 1835 г.). На этот раз в Академию поступила также работа на немецком языке, большая и значительная, но, однако, после отзывов академиков Френа, Шмидта и Круга премия за работу и на этот раз не была присуждена.

С тех пор прошли десятки лет. Несколько поколений русских ученых трудились над изучением вопросов, поставленных Академией Наук в первой половине XIX века. Многое исследовано и уяснено; помимо источников арабских и персидских привлечены к рассмотрению источники китайские.

Однако, если мы приблизились теперь к разрешению второго вопроса, поставленного Академией (о Золотой Орде), то первый общий вопрос об удельном весе монгольского ига в истории русского народа остается, в сущности, до сих пор без ответа. Между тем, то или иное решение этого вопроса имеет громадное значение для понимания всего хода русской истории.

Русскую историю можно рассматривать с двух точек зрения. Можно изучать внутреннее развитие русской жизни и русского народа без

относительно к окружающим народам. Можно, с другой стороны, стремиться выяснить развитие русской истории на фоне истории мировой.

Когда смотрели на русскую историю с этой последней точки зрения, то обычно под мировой историей понимали историю западноевропейского мира. Русская история являлась тогда как бы только привеском истории Западной Европы. Все мировое значение России во времени представлялось лишь в том, что она оберегала западноевропейскую цивилизацию от азиатского "варварства". Излагая происхождение "восточного вопроса" во время русско-турецкой войны при Александре II, историк Соловьев писал так: "У нашего героя древнее и знаменитое происхождение... Восточный вопрос появился в истории с тех пор, как европейский человек сознал различие между Европою и Азией, между европейским и азиатским духом. Восточный вопрос составляет сущность истории древней Греции; все эти имена, знакомые нам с малолетства, имена Мильтиадов, Фемистоклов, близки, родственны нам потому, что это имена людей, потрудившихся при решении восточного вопроса, потрудившихся в борьбе между Европою и Азией. Ожесточенная борьба проходит через всю европейскую историю, проходит с переменным счастьем для борющихся сторон; то Европа, то Азия берет верх: то полчища Ксеркса наводняют Грецию; то Александр Македонский с своею фалангою и Гомеровою Илиадою является на берегах Ефрата; то Аннибал около Рима; то римские орлы в Карфагене и в его метрополии; то гунны на полях Шалонских и аравитяне подле Тура; то крестовая Европа в Палестине; то татарский баскак разъезжает по русским городам, требуя дани, и Крымский хан жжет Москву; то русские знамена в Казани, Астрахани и Ташкенте; то турки снимают крест со Св. Софии и раскидывают дикий стан среди памятников древней Греции; то турецкие корабли горят при Чесме, при Наварине, и русское войско стоит в Адрианополе. Все одна великая борьба: все один восточный вопрос".

"Но, разумеется, — добавляет Соловьев, — восточный вопрос имеет наибольшее значение для тех европейских стран, которые граничат с Азией, которых борьба с нею составляет существенное содержание истории, таково значение восточного вопроса в истории Греции; таково его значение в истории России вследствие географического положения обеих стран".

Конечно, в историческом весе России этот элемент — защита Европы от Азии — играл роль. Понятно также и возмущение русских мыслителей, когда в Европе об этом забывали. В свое время (1834 г.) ярко выражено было это возмущение А.С. Пушкиным: "Долго Россия была совершенно отделена от судеб Европы. Ее широкие равнины поглотили бесчисленные толпы монголов, остановили их разрушительное нашествие. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной, издыхающей Россией, а не Польшей, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как неблагоприятна".

Несомненно, в исторической роли России была и эта сторона. Русь была в течение ряда веков рубежом между Западом и Востоком, Европой и Азией. Этой стороной, однако, далеко не исчерпывается историческая роль России в истории мировой. Мировая история — понятие гораздо более широкое, чем история европейская.

У нас создалась искривленная историческая схема мировой истории. Германо-романская Европа нам представляется основным стержнем исторического процесса. Такое представление создано главным образом на основании бурного роста европейской культуры в XV-XIX веках. Между тем, эта культурная гегемония Европы (притом ее надо понимать преимущественно в ограниченном смысле развития прикладного естествознания и техники промышленной, военной и политической жизни) — явление временное. Как сложится мировая жизнь уже в XX веке — большой вопрос и большая загадка. Среди романо-германских народов все больше выдвигаются в жизни новые образования — Америка англосаксонская, а также Америка испано-португальская. Предстоят колоссальные сдвиги народов Азии и Африки — индусов, китайцев, японцев, монголов, турок, негров.

Картину, столь же непохожую на романо-германскую гегемонию XV-XIX веков, мы находим в прошлом.

Так называемое "падение римской империи" есть соприкосновение средиземноморского греко-римско-сирийского и еврейско-арабского мира с миром среднеазиатских и южнорусский кочевников. Кажущийся "регресс" материальной культуры средиземноморского мира был, с другой стороны глядя, "прогрессом" — грандиозным раздвиганием культурно-исторических и культурно-географических рамок. Кочевники, шедшие волнами друг за другом из черно-

морских степей и из глубин континента, оказывались часто посредниками между цивилизацией и культурой средиземноморской и дальнеазиатской (китайской и индусской), не говоря о том, что сами кочевники несли с собою совершенно новую культуру, например, в области искусства.

Материальная культура "римской империи" оказалась бессильна перед напором культуры новых народов, "варваров".

Но духовный подъем средневекового мира, связанный с новой религией — христианством, в значительной степени совладал с разбушевавшимися историческими стихиями.

Церковь была связующим началом между миром средиземноморским и миром "варварским". Через церковь многие элементы "варварской" цивилизации проникли в жизнь народов, подчиненных ранее римскому мечу. С другой стороны, церковь захватывала в черту своего влияния и своей организации новые "варварские народы".

Все дальше на восток двигался центр церковного влияния. Первый церковный "Рим" был в старом средиземноморском Риме. Второй, Новый Рим, был уже на рубеже Европы и Азии, на Босфоре, в Византии. Третий Рим был еще дальше на восток, в недрах восточной, монгольской Руси — в Москве.

Царьград, он же Константинополь, Византия тож, — был центром Православия в средние века.

В разные стороны от этого центра, по мере уменьшения его влияния, распространялись боковые (со всемирной для средневековой истории точки зрения) ветви христианства, — на Западе, в мире романо-германской Европы, латинство, — на Востоке, в мире иранской Азии и турецкой и монгольской степи, — несторианство.

II

Вся история Византийского царства проникнута взаимоотношениями со степным Востоком. Теми же отношениями окрашены ранние века русской истории, ее "домонгольский период", — Киевская Русь. Печенеги, половцы, торки, берендеи, черные клобуки — все эти, по преимуществу, турецкие народы южнорусских степей входили в постоянное соприкосновение с миром греческим и русским, то враждовали и воевали с Царьградом и Русью, то в отдельных частях и в разных комбинациях вступали с ними в союзные и дружественные отношения.

Русская цивилизация и культура постепенно пропитывалась началами, с одной стороны, византийской (т.е. греко-восточной) цивилизации и культуры. С другой — цивилизации и культуры степных кочевников, перенимая от них одежду и

оружие, песнь и сказку, воинский строй и образ мыслей.

С этой точки зрения монгольское нашествие XIII в. не было чем-то принципиально новым. Это была такая же глубинно-материковая волна, только волна необычайной силы и невиданной ранее степени напряжения. Притом эта волна совершенно захлестнула собою русский мир, по крайней мере, восточную его половину. Этим и создана была новая основа русско-восточных отношений. Началось политическое подчинение Русской Земли Востоку — "монгольское иго".

III

В нашем сознании понятие "монгольского ига" связано прежде всего с отрывом русской земли от Европы. Однако, это обстоятельство имело и обратную сторону. Если "монгольское иго" способствовало отрыву русской земли от Европы (большой вопрос, насколько глубок был этот отрыв), то, с другой стороны, то же "монгольское иго" поставило русскую землю в теснейшую связь со степным центром и азиатскими перифериями материка.

Русская земля попала в систему мировой империи — империи монгольской. Мировой характер этой империи как-то недостаточно до сих пор нами сознается. Мировое значение имела римская империя времен Траяна и историческое продолжение ее — византийская империя эпохи Юстиниана, а затем эпохи Василия II. Мировая империя Византии была разрушена крестоносцами-латинянами в 1204 г. Латинские же средневековые империи — учрежденная Карлом Великим в 800 г. "священная римская империя германской нации", и другая — Константинопольская империя Балдуина — мирового значения иметь не могли. Империя "германской нации" имела значение лишь провинциально-европейское. Империя Константинопольская Латинская не имела и такого значения.

Роль Рима и Византии — объединительницы культур Запада и Востока, культуры земледельческой морской и культуры кочевнической степной — эта роль в начале XIII века, после падения империи Византийской, — перешла на империю Монголов.

При этом, однако, круг земель и народов, охваченный монгольской саблей, был значительно шире того, который очерчен был ранее римским мечом.

Римская и позднее Византийская империя построены были на системе взаимоотношения средиземноморского очага цивилизации (земледельческо-морской) и степной культуры кочевников. Монгольская империя захватила уже два очага цивилизации (земледельческо-морской): с одной стороны Китай, с другой — земли;

входившие в Византийскую империю (Малая Азия, Кавказ, Крым, Балканы). При этом произошло перемещение центра тяжести из одного типа в другой.

Византийско-римская империя основана была на морском-земледельческом типе, и из этой основы вступила в соприкосновение с типом кочевническим, континентальным. Монгольская империя имела как раз центр в кочевническом мире, а боковые ветви этой империи — земледельческие очаги (Китай и М. Азия — Балканы).

Русская земля имела ранее культурную связь с одной мировой империей — Византийской. Политическая гегемония Византии имела, однако, характер довольно слабой связи (за исключением церковных отношений). Связь эта совсем расшаталась и ослабла с падением Византии и установлением в Константинополе латинской империи (1204).

В результате монгольского завоевания Русская Земля попала в систему другой империи — Монгольской, за исключением только церковных отношений; в церковном отношении Русь продолжала подчиняться вселенскому патриарху, который большую часть XIII в. пребывал уже не в Константинополе, а в Никее (в Малой Азии).

Подчинившись государям из дома Чингисхана, русская земля в политическом отношении была включена в огромный исторический мир — простиравшийся от Тихого океана до Средиземного моря. Политический размах этого мира наглядно рисуется составом великих монгольских курултаяв XIII века: в этих курултаях участвовали (помимо монгольских князей, старейшин и администраторов всей средней, северной и восточной Азии) русские великие князья, грузинские и армянские цари, иконийские (сельджукские) султаны, кирманские и моссульские атабеки и пр. К центру монгольской власти должны были тянуться люди из разных концов материка по своим разным делам — административным, торговым и т.п.

Для Руси оказались открытыми дороги на Восток. Русские военные отряды ходили с татарскими царями далеко за Дон, из которого раньше половцы мешали им испить воды шеломом.

"Гости Рустии" — русские купцы — были в большом числе в Орде на Северном Кавказе во время убиения князя Михаила Ярославича Тверского (1319 г.). По всему северному Кавказу можно было найти в это время "церкви христианские", где молились эти купцы.

Русские военные отряды участвовали также в войсках Кубилая при завоевании южного Китая во второй половине XIII в. Монгольская им-

перия, совершенно единая при первых великих ханах, быстро начала распадаться на отдельные государства — китайское, персидское, Джагатайское, Золотую Орду. Тем не менее, связь между отдельными монгольскими государствами продолжала еще долго существовать, и долго еще поддерживались вассального типа отношения различных монгольских государей к лицу великого хана, пребывавшего в Китае со времени знаменитого Кубилая. Таким образом, до падения монголов в Китае, т.е. до середины XIV века (1368), поддерживалось, хотя и ослабленное, единство всей имперской монгольской системы.

Наглядным документом этого имперского единства является любопытный чертеж монгольской империи, относящийся к 1331 г.

На этом чертеже монгольская империя разгорожена чертою на несколько отдельных частей, но все они вместе слагаются в целое единство.

Части эти следующие: 1) Основное ядро — Срединная Империя (Китай) — империя Тоб-Тимура. 2) Персия — держава Бу-са-ина (Абу-саида). 3) Туркестан — Джагатайская держава. 4) Кипчацкое царство — Держава Ю-дзу-бу (Узбека). Согласно этому чертежу, Русская Земля ("А-ло-ш" в передаче монгольского чертежника — ср. мадыарское "орош", калмыцкое "орос", кавказское "урус") является крайним северозападным уголком великого азиатского мира, который можно сопоставить со "вселенной" (икумени, Византийцев).

Русская Земля выступает однако не самостоятельным членом этого мира; Великому Хану она подчинена не прямо; Русская Земля входит в царство Узбека — составляет часть улуса Джучиева.

IV

Из русских земель северо-восточная и юго-восточная Русь вошли на более продолжительное время в состав улуса Джучиева. Другая половина Руси уже в середине XIV в. оказалась под властью Запада. Хотя русские земли, вошедшие в состав Польского, Литовского и Венгерского государств, во многом сохранили свои культурные начала, но культуру национально-государственную они утратили.

Основное русло исторического процесса развития русской государственности пролегло не в западной, охваченной латинством, Руси, а в восточной, захваченной монгольством.

Восточные русские земли тоже вошли в состав государства иноплеменного — монгольского. Однако это государство было — мировая империя, а не провинциальная держава.

Эта империя не мешала внутренней культурной жизни своих частей — в том числе и Земли Русской.

Империя, эта вела борьбу со своими западными соседями — Литвою, Венгрией, Польшей — а эти соседи были как раз и неприятелями народа русского. Монгольско-татарская волна поддержала на своем гребне оборону русского народа от латинского Запада. Когда Монгольская империя окончательно распалась, прежняя ее часть, улус Джучиёв, Золотая Орда, продолжала традиционную имперскую политику борьбы с Западом. Как и Москва, Сарай боролся с Литвою. Исторически роль Сарая в этом направлении была не меньше. Нападая на Литву, Сарай защищал этим русскую культуру даже тогда, когда политически уже враждовал с Москвою.

В 1380 г. на Куликовом поле Москва в первый раз открыто выступила против Сарая — и устояла. Устояла ли бы она в эти же годы против Литвы без монгольской помощи — далеко неизвестно. Сильный литовский князь Витовт расширял все больше на Восток свои владения. Большой вопрос — без вмешательства Сарая в борьбу, чем кончилось бы дело: укрепился ли бы центр русской государственности в православной Москве или в полуопояченной Вильне.

Сарай решил дело.

В 1399 г. рать Витовта потерпела на реке Ворскле страшное поражение от Эдигея. После этого поражения Литва долго не могла оправиться; напор латинства на Восток был с тех пор подорван. Историческое значение битвы на Ворскле 1399 г. не меньше, чем битвы на Ворскле же с небольшим 300 лет спустя (Полтава — 1709г.).

Битва на Ворскле 1399 г. — одно из величайших событий в русской истории, хотя в этой битве восточно-русские полки не участвовали вовсе, а западно-русские — участвовали на стороне Витовта. Успехом Сарая исторически воспользовалась — Москва.

V

Совместная историческая жизнь Русской Земли и улуса Джучиева в течение двух столетий имеет громадный исторический интерес и большое историческое значение.

Монгольская империя распалась на несколько держав. Большая часть из них совершенно слилась с теми старыми государствами, в рамках которых возникли монгольские новообразования. В историю этих государств монгольский элемент вошел просто в виде определенной династии. Такой характер имеет период монгольской династии Кубилая и его преемников в Китае (1260-1368) или период монгольской династии Хулагу и его преемников в Персии (1256-1334).

Иная историческая судьба была суждена Джучиеву улусу. Мы не видим полного слияния его с русской государственностью. Мы видим как бы два центра: Сарай и Москву. Первый центр имеет главное, основное значение в административно-государственной жизни всего царства Золотой Орды — но все же это не единственный центр. Исторически это, может быть, объясняется тем, что Золотая Орда явилась преемницей сразу двух государственных миров: степного (частью половецкого) и лесного (северно-русского).

В пределах первого — в южнорусских степях — оказался главный центр Золотой Орды — недаром государство Джучи-дов известно было на всем востоке под именем "Кипчацкого царства". В пределах второго — в северно-русских лесах — возник дополнительный, русский, центр улуса Джучиева — Владимир, потом Москва.

Теоретически мыслимо было течение дальнейшего процесса двумя руслами. Или могло постепенно возрастать внутреннее значение северного, русского дополнительного центра — т.е. Москвы, — до тех пор, пока этот дополнительный центр не стал бы сильнее прежнего, главного центра, — тогда уже был неизбежен разрыв, распадение на два центра. В действительности, как известно, так и произошло. Когда Сарай ослаб, а Москва усилилась, царство Джучидов разорвалось на две половины: Золотую Орду и великое княжение Московское. Но мыслимо было обратное явление. Главный центр мог получить преобладающее значение и постепенно захватить и переработать все внутренние и внешние силы обеих половин улуса Джучиева — татарской и русской. Золотая Орда могла стать если не прямо русским, то монголо-русским государством, как было монголо-китайское, монголо-персидское, а с другой стороны — литовско-русское.

Существенным для такого слияния в новых монгольских государствах был вопрос религиозный.

Культурное слияние было полным и решительным, когда правящая монгольская аристократия принимала веру большинства населения страны, куда внедрилась эта аристократия (буддизм в Китае, мусульманство — в Персии).

Иными словами, если бы монгольские ханы, потомки Джучи, приняли Православие, то, вероятно, не Москва, а Сарай оказался бы духовным и культурным центром русской земли.

В обычном сознании так прочно укоренились представления о чуть ли не исконном мусульманстве татар и монгол, что предположение о переходе в Православие ханов Золотой Орды

покажутся, может быть, праздными и пустыми фантазиями. Однако, фантазии эти несколько раз близки были к осуществлению. Мусульманство вовсе не было исконною верою монголо-татар. Не кто иной, как сын Батые Сартак, был, вероятно, или очень близок к Православию, или прямо в Православие перешел. О христианстве Сартака есть показание добросовестного арабского историка аль-Джауздани, автора книги "Насировы таблицы". Аль-Джауздани в 657 г. мусульманского летоисчисления (1258-1259 г. от Р. Х.) видел в Дели приехавшего из Самарканда по торговым делам сеида Ашрафа-эд-дина. Сеид рассказывал историку следующее о Сартаке и его смерти.

Сартак, гонитель мусульман, наследовал своему отцу Батыю после смерти его. Вступив на престол, Сартак должен был отправиться на поклонение великому хану Менке. На обратном пути Сартак проехал мимо орды дяди своего Берке и повернул в сторону, не повидавшись с ним. Берке послал спросить его о причине такого оскорбления. Сартак ответил: "Ты мусульманин, а я исповедаю христианскую веру; видеть лицо мусульманина есть несчастье". Берке заперся в своей палатке, положил веревку себе на шею и трое суток провел в плаче и молитве: "Боже, если вера Мухамеда согласна с истиною, отомсти за меня Сартаку". На четвертый день после этого Сартак умер.

Преемник Сартака, Берке, наоборот, официально принял мусульманство. Обращение Берке не означало, однако, окончательного обращения в мусульманство всей Орды. Один из следующих "ординских царей", Тохту (1291-1313 гг.), был ревностным почитателем шаманства и ламаизма. Преемник его Узбек, на сестре которого женат был московский князь Юрий Данилович, был очень расположен к Православию.

На саранских монетах относящихся, по видимому, ко времени Узбека, встречаются изображения двуглавого орла и, вероятно, Богородицы (женщины с младенцем). Узбек перешел, однако, в мусульманство: "Царь Озбяк обесерменился", отмечают и наши летописи. Лишь с этого времени (начало XIV в.) положена была окончательная грань между Золотою Ордою и Русью. Впрочем, и сам Узбек, и его ближайшие преемники доброжелательно относились к русской церкви и давали "ярлыки" в обеспечение прав русских митрополитов и епископов, точно так же, как не ставили никаких препятствий переходу монголо-татар в Православие.

VI

Два культурных центра Джучиева улуса — Сарай и Москва — тесно связаны между собою в

устройстве величайшей русской исторической культурной силы — Православной Церкви.

Вскоре после монгольского завоевания руководители русской Церкви поняли и осознали необходимость крепче связаться с новым государственным центром, Сараем. Русская Церковь пережила время неурядиц. Кафедрой митрополита с самого начала на Руси был Киев. После монгольского погрома 1240 г. Киев потерял значение и долго не мог оправиться.

Митрополиты стали подолгу жить в северо-восточной Руси, во Владимире на Клязьме, в конце XIII в. окончательно переселились во Владимир, а затем в Москву.

Митрополит жил во Владимире (потом в Москве), поэтому Владимир (Москва) был государственным центром русских земель, входивших в улус Джучиев.

Митрополит не мог, однако, оставить без внимания главный центр улуса Джучиева — Сарай. Каждый русский митрополит XIII-XIV в.в. должен был часто ездить в Сарай и подолгу пребывать там. Понятна была мысль — устроить в Сарае нечто вроде постоянного своего представительства. Таким представительством была основанная в 1261 г. митрополитом Кириллом Сарайская епископская кафедра.

Со своей стороны и "царь татарский" требовал, чтобы в столицу его назначен был "большой поп". Сарайский епископ был как бы представителем митрополита всея Руси подобно тому, как этот последний сам был на Руси как бы представителем Вселенского Патриарха Царьградского.

Сарайский епископ служил посредником между митрополитом и монгольским ханом с одной стороны, вселенским Царьградским императором и патриархом — с другой. К патриарху и к царю греческому в Царьград ездил Сарайским епископ с грамотами от царя ординского и от митрополита всея Руси. Таким образом, если было два центра в улусе Джучиевом — Сарай и Москва — то эти же центры служили средоточиями и церковного устройства Руси.

С точки зрения государственно-административного механизма главный центр был Сарай, дополнительный — Москва.

В церковном отношении было наоборот. Главный центр был Москва, дополнительный — Сарай.

Но если бы оправдались вышесказанные предположения о переходе сарайских ханов в Православие — ясно, что быстрее переменялись бы роли Москвы и Сарая и в церковном отношении. Митрополия всея Руси, утратив Киевские корни, укрепилась бы окончательно не в Москве, а в Сарае. Сохранились кое-какие исторические следы притязаний Сарайского епископа на внушительную роль в русской церковной жизни. Сарайский епископ постоянно настаивал на расширении своей власти в сторону русских земель. В течение второй половины XIII и первой половины XIV века шли постоянные споры за пограничные приходы рязанской земли (по верховьям Дона) между владыками Саранскими и Рязанскими. Митрополит Феогност решил спор в пользу Сарая, и с тех пор Сарайский владыка стал именоваться "Саранским (позже Сарским) и Подонским", — даже когда спорные приходы отошли снова к Рязани. Один из Саранских епископов, Измаил, питал какие-то замыслы против самого Московского митрополита, так что митрополит Московский Петр (позже причисленный к лику святых) лишил Измаила сана и епархии (1312).

Притязания Сарайского владыки в действительности не осуществились. Центр православной государственности укрепился в Москве, а не в Сарае. Церковно-политическое значение Сарая падало вместе с падением силы Золотой Орды — и, наконец, пало окончательно. В середине XV в. Сарайский епископ Вассиан перенес свою кафедру в Москву, поселившись в Крутицах, которые уже с конца XIII в. служили подворьем сарайских епископов в Москве. Сарайский епископ превратился в епископа (затем митрополита) Крутицкого. Крутицкий митрополит, викарий и правая рука Патриарха Московского и всея России — представляет собою, таким образом, исторический пережиток глубокого значения.

Крутицкий митрополит, викарий Московского Патриарха, есть напоминание о неосуществившейся исторической возможности — патриархе Сарайском, для которого святитель Московский был бы, наоборот, викарием. Крутицкий митрополит — глубокий символ монгольского влияния на развитие русской культуры.

Ноябрь 1925г.